

Теоретическая часть

Theoretical part

АЛЕЙНИКОВА С.М. «РУССКИЙ МИР» КАК «РУССКАЯ ИДЕЯ»: КЛЮЧЕВЫЕ ПРИЗНАКИ И ИМПЕРАТИВЫ

Аннотация. «Русский мир» – глобальный интеграционный проект, призванный объединить славянские народы на основе общих цивилизационных ценностей: русского языка и культуры, православной веры, общих представлений об историческом прошлом. Заявленное культурно-цивилизационное содержание РМ в сочетании с ожидаемой политической формой воплощения остро ставит проблему актуальности данной стратегии для стран бывшего СССР, а также адекватности ее основных положений социокультурным и политическим реалиям постсоветского общества. Конвенциональный (договорной) характер представлений об историческом прошлом дает основание рассматривать «Русский мир» в качестве модернизированного варианта «русской идеи», к устойчивым идеологемам которого относится: сакральность истоков российской государственности, вселенский характер «Русского мира», мессианство, «особый путь», культивирование оппозиции «Запад – Восток».

Ключевые слова: «Русский мир»; «русская идея»; национальная идеология; политические технологии; цивилизация.

ALENIKOVA S.M. «RUSSIAN WORLD» AS «RUSSIAN IDEA»: KEY FEATURES AND IMPERATIVES

Abstract: «Russian world» considers as the global integration project to unite the Slavic peoples on the basis of shared civilizational values: Russian language and culture, Orthodox faith, general ideas about the historical past. The declared cultural and civilizational content of the «Russian world» combined with the expected political form of its implementation raises the issue of the relevance and appropriateness of this strategy for the countries of the former USSR, including Ukraine and Belarus, as well as the adequacy of its major tenets of sociocultural and political realities of post-Soviet society. Conventional (contract) nature of the historical past gives grounds to consider the «Russian world» as the modernized version of «Russian idea» which sustainable ideologies are: sacredness of the origins of Russian state, universal character of «Russian world», messianism, «special way», cultivation of the opposition «West – East».

Keywords: «Russian world»; «Russian idea»; national ideology; political technologies; civilization.

«Русский мир» (далее РМ) – глобальный интеграционный проект, призванный объединить славянские народы на основе общих цивилизационных ценностей: русского языка и культуры, православной веры, общих представлений об историческом прошлом. Конвенциональный (договорной) характер представлений об историческом прошлом дает основание рассматривать РМ в качестве модернизированного варианта «русской идеи» как «интерпретации русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России» [1, с. 27], характеризующейся набором идеологических констант. К ним можно отнести вселенскость, мессианство, «инаковость» – декларацию особого духовного «кода» восточных славян, отличающего РМ от иных «миров» (Pax Romana, Pax Americana, Pax Islamica и т.п.) и обуславливающий традиционные для российской идеологии противопоставление «другому», поиск особого пути.

В контексте рассматриваемой темы основной исследовательской предпосылкой стал анализ «русской идеи» как модели государственного развития. В ходе анализа основное внимание уделялось выявлению генезиса восприятия государства, его задач и

функций, а также других общественно-политических идей, оказывавших непосредственное влияние на формирование структуры и типа управления, характера взаимодействия политических субъектов глобальной геополитической системы («русской цивилизации»). Соответственно цель статьи – проследить генезис РМ в контексте формирования и развития «Русской идеи». В статье проводится историческая реконструкция, используются метод дескрипции, единства исторического и логического, метод компаративного анализа.

Генезис и историческая динамика. Возникновение и формирование устойчивых представлений об особой вселенской миссии русского государства и основанной на них идеологии связывают с памятниками русской общественно-политической мысли, восходящими к XI–XII вв. В них, как правило, нет четко отрефлексированных представлений о каких-либо идеологических основаниях «русской идеи», но они позволяют проследить генезис ее содержания и функций. Большинство подобных произведений характеризует многогранность затрагиваемых аспектов: онтологических, эсхатологических, мифологических, эстетических, нравственно-этических и др.

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона можно назвать первым обоснованием особой исторической миссии и вселенского характера российской государственности, истоки которых связаны с крещением и христианизацией – объединением разрозненных языческими верованиями племен в единую политическую систему. Отличительными чертами данной политической системы являлись, во-первых, исходная предпосылка равенства всех народов, объединенных единой идеей христианства, ее наднациональный характер. Во-вторых, отсутствие иерархичности – особого статуса и роли отдельного народа или государства. Это, в частности, коренным образом отличает позицию митрополита Илариона от позиции автора «Повести временных лет» с ее высоким уровнем славянского этноцентризма и жесткой иерархией племен: «мудрых и смыслёных полян», противопоставляемых древлянам, радимичам, вятичам и «прочим поганым» [2, с. 148]. В-третьих, отсутствие, за исключением «отринутых иудеев», противопоставления другим народам и неприятия иных верований. В дальнейшем, однако, перечисленные отличительные черты претерпели существенные изменения.

Программное оформление вселенского характера российской государственности получило в XV–XVI вв. Обострившиеся противоречия во взаимоотношениях между католицизмом и российским православием, главным образом, в области пересечения политических интересов соседних государств относительно пограничных земель, привели к необходимости поиска и сакрализации имперских оснований российской державности. Идеи тесного взаимодействия и жёсткого обеспечения государственной властью вселенской миссии церкви обосновывались Иосифом Волоцким. Кратко и ёмко эти основания были сформулированы иосифлянином Филофеем в известной концепции «Москва – Третий Рим».

Данная концепция изменила расстановку приоритетов в управлении и формировании структуры политической системы того времени. Россия стала рассматриваться в качестве прямой наследницы крупнейших христианских центров-империй – Рима и Византии, причем не только в религиозном, но и территориальном плане. Кроме этого, впервые, хотя и опосредованно, в концепции Филофея была артикулирована идея «центра» – с одной стороны, как источника религиозной истины и спасения, с другой – государствообразующей политической силы, центра государственной власти.

Дифференциация религиозного и политического в общественно-политической мысли того времени закрепила амбивалентный характер «русской идеи», на всех этапах своего исторического развития включающей в себя две основные составляющие: духовную и державническую. Амбивалентный характер заключается в том, что ее духовная (религиозная, культурная, цивилизационная) составляющая выступала в

нескольких качествах: а) обоснования необходимости как «собирания» земель и народов, так и распространения православной веры; б) инструмента сакрализации и легитимации политической власти и государственных институтов; в) непосредственно программой государственной политики, по сути представляющей собой императивное требование к власти, поскольку цель всеобщего спасения опиралась на принудительную силу государства и предполагала «симфонию» церковной и государственной властей.

Державническая составляющая, в свою очередь, основывалась на религиозных императивах, выступая, с одной стороны, инструментом реализации заявленных духовной составляющей задач. С другой стороны, продуктом социальных ожиданий общества, возлагавшего решение данных задач именно на политическую власть и государство. Сочетание указанных составляющих и сформировало сверхсоциальное, собирательное начало российской государственности.

Дальнейшее развитие «русской идеи» связывают с утверждением Российской Империи, петровскими реформами, не совместимыми с российскими социальными архетипами и потому впервые противопоставившими в народном сознании отечественную традицию и привнесенную западноевропейскую. Новая форма политического устройства, нестабильная общественно-политическая ситуация, сложившаяся внутри Российской Империи к XIX в., потребовали корректировки государственных идеологием в части привнесения, наравне с духовной и державнической, социальной институциональной составляющей. Уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность» закрепила существенное смещение акцентов в приоритетах идеологических констант.

Православие как «вера предков» рассматривается уже скорее как незыблемая традиция, а не фундаментальное основание и источник державности. Сакральным же основанием становится политическая власть: «Россия живет и охраняется спасительным духом Самодержавия» [3]. Связующими Трон и Церковь элементами выступают «народность» и просвещение, которому отводится инструменталистская функция развития российской государственности [4, с. XLIX].

В целом общим у обоих российских религиозно-идеологических конструктов «Москва – Третий Рим» и «Православие. Самодержавие. Народность» являлось то, что оба они главным образом решали задачи международной легитимации российской политической власти [5, с. 70]. Различие состояло в том, что первый конструкт носит идеальный, мессианско-утопический характер и представляет собой комплекс религиозно-эсхатологических представлений о смысле русской государственности.

Уваровская триада в большей степени была ориентирована на формирование религиозно-политического единomyслия и противодействие распространению среди российской интеллектуальной элиты либеральных идей. Соответственно в рамках первого конструкта Россия призвана решать мессианскую задачу, в рамках второго – религиозно-геополитическую – воссоздания православной империи-центра по аналогии с Византийской.

Значимым этапом в развитии «русской идеи» стало распространение идей славянофильства, основным направлением которого стало обоснование особой исторической роли России в собирании славянского мира, ее уникальности в сравнении с другими цивилизациями, заключающейся в особом общинном строе общественного бытия и религиозных идеалах православия (соборности). Второй отличительной чертой славянофильства является критика западноевропейской цивилизации, а также резко негативное отношение к заимствованию в результате петровских реформ системы социально-политических институтов западного образца.

В контексте рассматриваемой темы концентрированную суть взглядов основоположников славянофильства можно отразить цитатой А.С. Хомякова: «Было трое сильных владык в первых веках христианского мира: Греция, Рим и Север (мир тевтонический). От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь: от насильственного соединения Рима с Севером родились западные царства. Греция и Рим

отжили. Русь – одна наследница Греции; у Рима много было наследников. (...) Мы – центр в человечестве европейского полушария, море, в которое стекаются все понятия. Когда оно переполнится истинами частными, тогда потопит свои берега истиной общей. Вот, кажется мне, то таинственное предназначение России...» [6].

Приведенная цитата последовательно раскрывает три основные характеристики «русской идеи», заложенных еще в концепции Филофея: право на преемственность греческо-византийской цивилизации; обладание истиной; обусловленную и оправданную этой истиной особую миссию России, распространяющуюся на другие страны и народы. Однако реализация вселенской миссии возможна посредством не религиозных, а государственных (властных, политических) институтов. Четкое оформление получает новый аспект «русской идеи», ставший впоследствии ключевым признаком всей российской идеологии: аспект соотношения «Россия – Запад».

Исток непримиримого противоречия виделся российскими мыслителями в разделении церквей, обусловившего антагонизм двух начал: западноевропейского и славянского. Утрата Европой «истинной веры» в результате «отпадения» католицизма предопределила дальнейшее развитие двух цивилизаций, но не на условиях равноправия и состязательности, а изначального духовно-нравственной исключительности России как носительницы истины и «правильного» начала. Интерес в этой связи представляет позиция И.С. Аксакова, идущая вразрез с ключевыми положениями ранних славянофилов об особой роли православия и России как центра славянского мира.

Констатируя поверхностно-обрядный характер «народного» русского православия, И.С. Аксаков ориентировался на инструменталистскую функцию религии, отмечая, что «церкви могут быть полезны в политическом отношении» [7, с. 61] – создании нового, православно-славянского мира, противопоставляемого Европе. Собирательная роль русского народа не является самодовлеющей, предполагая полную самостоятельность и право остальных славянских народов на самоопределение. Особое внимание следует обратить на то, что И.С. Аксаковым впервые обозначается возможная форма славянского мира – не империя, а конфедеративный союз [8, с. 14]. Идея конфедерации принципиально изменяет характер взаимосвязей, нивелируя иерархичность ролей и статусов народов как коллективных субъектов отношений и делая условным деление «центр–периферия».

Идеи конфедерации, однако, не распространялись на Белоруссию и Украину, являющихся «основой Русского государства». Белорусы не воспринимались как самостоятельный этнос и отождествлялись с понятием «русский», а «русские всех наименований должны составлять одну общую сплошную семью» [8, с. 294]. Соответственно «Северо-Западный край» понимался как исконная и неотъемлемая часть России, зона ее исключительного политического влияния. В то же время необходимо отметить последовательность и настойчивость И.С. Аксакова в продвижении идеи изучения белорусской народности, поддержки местных школ и белорусского «наречия» в противовес польскому влиянию.

Относительно же статуса русского народа в славянском мире в среде славянофилов не было единства: часть из них предполагали равный политический статус всех славянских народов (И.С. Аксаков), некоторые отдавали безусловный приоритет России и русским (И.В. Киреевский, Ю.В. Самарин). В целом, учитывая весь обширный пласт порой фрагментированных и противоречивых идей, поднятых в работах славянофилов, следует заметить, что их взгляды в большей степени представляли собой философскую рефлексию и нравственный императив узкого социального среза российского общества относительно сложного внешнеполитического контура, в котором оказалась Российская Империя, нежели концепцию политического развития. Государство и политическая власть в трудах славянофилов представлены, как правило, сакральными и метафорично-образными категориями, рассматриваемыми вне их институционального и функционального значения.

Особое значение в формировании «русской идеи» и концепции РМ имеет труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», посвященный, главным образом, не столько классической теории культурно-исторических типов, сколько раскрытию негативного образа Европы. Констатируя тот факт, что «Европа признает Россию и Славянство чем-то для себя чуждым, и не только чуждым, но и враждебным», причем враждебна «не случайно, а существенно» [10, с. 60, 532], Данилевский обосновывает необходимость объединения славянства, возводя данную идею до культа. Фактически Н.Я. Данилевский предложил базовую структурную схему современной идеологии, включающей в себя:

а) сакральное начало (Крещение Руси), обуславливающее «инаковость» российской цивилизации и выступающее в качестве легитимирующего основания;

б) мобилизующее начало – образ «врага» («существенно враждебная» Европа), консолидирующее общество;

в) перспективу светлого будущего (Всеславянского союза), обязательным условием достижения и существования которого является борьба, также возведенная в ранг священной, поскольку предполагает «построение всеобщего блага на принципах Добра и противоборства Злу» [11, с. 11].

Славянофильское идейное течение и концепция Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах получили свое развитие в русской религиозной философии и историософии конца XIX – первой половины XX века преимущественно в части поиска религиозной истины и социального идеала. Проблемы государственного и внешнеполитического развития если и рассматривались, то опосредованно, с точки зрения института, выполняющего сакральную и стабилизирующую функцию, а не реализации стратегии внешнеполитических и государственных интересов. Соответственно русскоцентризм и критика либеральных идей С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, К.Н. Леонтьева, Вл. Соловьева, П.И. Новгородцева, С.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского и др. не предполагали какую-либо модель отношений и сводились к идее народа-богоносца, призванного осуществить возложенную на него миссию спасения, прежде всего, славянских государств и Европы.

Традиционное противопоставление «Запад–Восток» сводилось к сфере духовных исканий, а понятие социальной или политической деятельности подразумевало идею служения в деле реализации вселенской миссии. Следует, однако, учитывать, что понятие «вселенскости», несмотря на эсхатологическое наполнение философского дискурса, предполагает международный характер его реализации. Смыслообразующими категориями идеи «народа-богоносца» являются «единство» и «общность», понимаемые как тождественные «соборности». Идея единства Русской земли, являющаяся основным смыслом еще древнерусских литературных памятников, трансформировалась в идею общего противостояния негативному воздействию внешней среды, которые стали ключевыми признаками современного концепта РМ.

Многочисленные работы Н.А. Бердяева представляют собой аккумуляцию идей и концепций, главным образом, двух течений: славянофилов и русской религиозной философии. В качестве атрибутивных признаков «русской идеи» у Н.А. Бердяева можно выделить: социальный иерархизм, признание особенности русского народа, обусловленную этой особенностью особую миссию России («Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе» [12, с. 9]). В то же время, вслед за Вл. Соловьевым и большинством представителей русской религиозной философии, Н.А. Бердяев не рассматривал «русскую идею» как идею внешнего противопоставления (Западу, Европе), ориентируясь на интегративную функцию и объединяющее начало русской духовной миссии.

Основное внимание Н.А. Бердяевым уделялось не столько структурированию самой «русской идеи», сколько осмыслению ее противоречивой природы, которая, по его мнению, заключалась в антиномичности русского национального характера. Одна из главных антиномий состоит в сочетании русского мессианизма и национализма,

получившем свое выражение в политическом строе и неоднозначных процессах государственного развития. Мессианские интенции «русской идеи» обуславливают возникновение конкретного политического образования – государства-империи, сама идея которого представлялась «искажением русской идеи» [13, с. 138].

Связано подобное противоречие с тем, что, во-первых, любое государство, по мнению Н.А. Бердяева, порождается насилием, во-вторых, «изначально полнота власти принадлежит народу, но народ этой власти не любит» [14, с. 55]. Поэтому подход к государству как возможному средству и форме реализации «русской идеи» у Н.А. Бердяева больше онтологический и трансцендентный, чем институциональный или структурно-функциональный. На более низкой ступени по сравнению с государством стоит цивилизация, природа которой, в отличие от государства, сугубо материальна, «вне храмов и культа» [14, с. 218].

Доктрина евразийства, зародившаяся в эмигрантской среде первой половины XX века, в отличие от онтологической доминанты славянофилов, представляла собой синтез нескольких концепций. Основатели течения впервые заявили о программном подходе к проблемам внешнего развития России, целью которого является объединенный «мир Евразии» («Россия–Евразия», «Евразийский мир»).

Единое понимание евразийцами Евразийского мира касалось, в первую очередь, его территориального измерения. Представителями евразийства последовательно обосновывалась мысль о «России–Евразии» как замкнутом самодостаточном пространстве, представляющем собой особый и обособленный географический и культурный мир, не ограничивающийся только славянством, а охватывающий в том числе народы Востока и Азии.

В остальных положениях, несмотря на заявленную доктринальность и программность, евразийство, как и течение славянофилов, представляло собой пеструю и порой противоречивую мозаику идей и концепций прошлого и будущего России, что обусловило в итоге раскол движения. Учитывая расхождения в интерпретации евразийцами ключевых положений относительно миссии России в мире, можно выделить несколько основных устойчивых идеологем данного течения.

Принципиальным отличием от всех предыдущих моделей «русской идеи» является то, что в качестве источника цивилизационного и политического развития российского «государства-мира» евразийцы рассматривали не факт Крещения Руси, а объединительную миссию Чингисхана и государственностроительную для России функцию Золотой Орды.

Определение «точкой отсчета» российской цивилизации не византийского наследия и Крещения Руси, а более позднего периода обусловило, во-первых, утрату сакрального основания РМ (Москвы как Третьего Рима), и, во-вторых, переориентацию вектора внешнеполитического развития России с европейского на восточноазиатский регион. Утрата сакрального смысла нивелировала идею мессианства и вселенскости РМ, выдвинув на первый план «русской идеи» ее культуру- и государствоцентризм.

В качестве системообразующей идеи обосновывалось понимание государства не как «симфонии» церковной и политической властей, а жесткой централизации властных функций. Жесткая система государственного управления, выстроенная в интересах общего блага политической системы и предопределила, по мнению евразийцев, «золотой век» Московского государства вплоть до восхождения на престол Петра I, став одним из основных факторов обеспечения единства евразийской державы.

Изменение в подходе обусловило «внеевропейское» понимание роли и функций государства и права и как следствие – разработку новых доктринальных оснований политического объединения «России–Евразия» в форме «государства-мира» [15, с. 23]. Евразийский мир должен представлять собой империю в классической форме теллуократии, характеризующейся жестким политическим централизмом и строящейся по территориальному принципу. В основе понимания государственности была заложена

идея «месторазвития», под которой понималась взаимозависимость природно-географических, социальных и исторических условий развития той или иной цивилизации [16; 17, с. 200]. Европа по-прежнему рассматривалась в качестве «чужого», однако оппозиция «Запад–Восток» претерпела трансформацию.

Если славянофилами природа противоречия между славянским и западноевропейским миром носила сакральный характер, поскольку виделась в расколе христианства и отпадении Европы от «истинной веры», предопределившем ее индивидуализм, рационализм и прочие негативные, с точки зрения славянофилов, последствия, то евразийцы противопоставляли уже не столько духовные, сколько политические основания. Это, в первую очередь, касалось критики либеральной идеологии, сложившейся в Европе к началу XX века, концепций естественного права, гражданского общества и других базисных идей европейской цивилизации.

Основной отличительной чертой евразийцев от славянофилов и представителей русской религиозной философии можно назвать их государствоцентризм, заключавшийся в понимании России как особой цивилизации, но предполагающий политическую форму ее воплощения с жесткой иерархией управления – империю. В целом следует заметить, что многие идеи славянофилов и евразийцев, в частности, культурный релятивизм, дифференциация и иерархизация культуры и культурно-исторических типов, были во многом заимствованы и восходили к идеям немецкого романтизма, положениям Л. Леви-Брюля, Э. Дюркгейма, более поздней школы «Анналов».

«Точками несоприкосновения» евразийства с концепцией РМ можно назвать, во-первых, евразийскую направленность, предполагающую включение в соответствующее государственное образование не только славянских народов, но и некоторых стран Ближнего Востока, Индии, Китая. РМ выступает в таком случае лишь одной из частей евразийского проекта, ориентированного лишь на европейский регион. Во-вторых, при преобладании геополитического содержания идеологии евразийства, нивелируется социокультурная (цивилизационная) составляющая, представляющая собой основу РМ.

В последующем разногласия в среде евразийцев и раскол, связанный с политическими ориентациями и противоречивым отношением к революции 1917 г., привели к развалу течения. Однако некоторые идеи евразийства нашли свое дальнейшее развитие в работах Л.Н. Гумилёва и оказались актуализированы в современном общественно-политическом дискурсе.

Как и большинство евразийцев, Л.Н. Гумилев считал Россию наследницей не Византийской империи, а Тюркского каганата и Монгольского улуса, интегрировавших огромное евразийское пространство в единое политическое образование с жесткой системой управления [18, с. 377]. Одно из ключевых понятий славянофильства – «соборность» – рассматривалось Л.Н. Гумилевым не в узком религиозном, а в широком плане, подразумевая в том числе принципы политической организации и социального взаимодействия: «евразийские народы строили общую государственность, исходя из принципа первичности прав каждого народа на определенный образ жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности» [18, с. 383].

Концепция суперэтнотосов Л.Н. Гумилева во многом перекликалась с теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в части идеи объединения родственных этносов, автономного характера их развития и противопоставления Европе. Под Евразией Л.Н. Гумилевым понималось не только географическое пространство, но и «сформировавшийся в его центре суперэтнос с тем же названием». Поэтому образование «Россия–Евразия» представляет собой не объединение Востока и Запада, а лишь один из многих суперэтнотосов. Традиционное противопоставление Европе Л.Н. Гумилев раскрывал как неотъемлемое свойство любого суперэтнотоса, а неприятие Европы рассматривалось не столько в разрезе глубинных религиозных противоречий или конфликта геополитических интересов, сколько в качестве угрозы физическому существованию российского суперэтнотоса.

Выводы. Генезис концепта РМ в контексте формирования и развития «русской идеи» характеризуется, с одной стороны, неоднородностью и противоречивостью, с другой – наличием ряда устойчивых идеологем. К положениям, на разных этапах развития «русской идеи» характеризующимся противоречивыми позициями ее авторов, относятся:

а) источник российской государственности: религиозный (Византийская империя, Крещение Руси) и политический (Монгольская империя);

б) характер социально-политических взаимосвязей между субъектами РМ: иерархичность – наличие/отсутствие особого статуса и роли отдельного народа (русский народ как «народ-богоносец») или государства «Москва – Третий Рим») со структурой взаимоотношений «центр-периферия»;

в) вектор внешнеполитического развития России: европейский (собрание Славянского мира вокруг Москвы или Константинополя) или евразийский (в границах Монгольской империи, включая тюркские народы).

К устойчивым идеологемам, составляющим «русскую идею» и оказавшимся востребованными современной российской идеологией, относятся сакральность истоков российской государственности и обусловленные сакральностью ее происхождения вселенский характер РМ, мессианство, «особый путь», противопоставление России Европе (культивирование оппозиции «свой–чужой»). Это позволяет говорить о типологическом родстве идеологии «Русского мира» с основными российскими идеологическими конструктами и дает основание рассматривать его в качестве модернизированного варианта «русской идеи».

Литература

1. Вольтер, О.В. Феномен российской государственной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России: история и современность (политологический аспект): автореф. дисс. докт. полит. наук: 23.00.01 / О.В. Вольтер; Северо-Кавказская академия государственной службы. – Ростов-на-Дону, 2010. – 54 с.
2. Поучение Владимира Мономаха / Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М.: Издательство «Художественная литература», 1969. – С. 146–171.
3. Уваров, С. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/19/1830/1833119.html>. – Дата доступа: 01.04.2016.
4. Циркулярное предложение г. Управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством // Журнал Министерства народного просвещения. – 1834. – №1. – С. XLIX–L.
5. Кочетков, В.В. Национальная идея России и конституционализм: опыт философии власти / В.В. Кочетков // Философия права. – 2010. – №6. – С. 70–75.
6. Хомяков, А.С. Несколько слов о «Философическом письме», напечатанном в 15 книжке «Телескопа» (Письмо к г-же Н.) / А.С. Хомяков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/khomyakov/izpisma.html>. – Дата доступа: 01.02.2016.
7. Переписка двух славянофилов // Русская мысль, 1916. – Книга XII. – С. 85–114.
8. Переписка двух славянофилов // Русская мысль, 1916. – Книга IX. – С. 1–32.
9. Аксаков, И.С. Наше знамя – русская народность / И.С. Аксаков / Составление и комментарии С. Лебедева / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 640 с.
10. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский / Составление и комментарии А. В. Белова / Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 816 с.

11. Емельянов, С.А. Сколько стоит русская идея? Практические аспекты проблемы идеального и национального / С.А. Емельянов – СПб.: Алтейя, 2012. – 143 с.
12. Николаевская, Т.Е. «Русская идея» Николая Бердяева: к вопросу о характере русской философии и мировоззрения / Т.Е. Николаевская // Наука и современность. – 2010. – №2-3. – С. 203–207.
13. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 246 с.
14. Бердяев, Н.А. Философия неравенства письма к недругам по социальной философии / Н.А. Бердяев. – Берлин: Обелиск, 1923. – 246 с.
15. Назмутдинов, Б.В. Политико-правовые воззрения евразийцев в российском государствоведении XX в. : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Б.В. Назмутдинов; НИУ «Высшая школа экономики». – М., 2012. – 31 с.
16. Савицкий, П.Н. Россия и латинство / П.Н. Савицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vtoraya-literatura.com/publ_43.html/. – Дата доступа: 18.04.2016.
17. Лавринова, Н.Н. Категория «месторазвитие» в концепциях русских мыслителей начала XX века / Н.Н. Лавринова // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – №11(57). – С. 199–202.
18. Гумилев, Л.Н. От Руси до России / Л.Н. Гумилев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 392 с.

References

1. Vol'ter, O.V. Fenomen rossijskoj gosudarstvennoj ideologii kak duhovno-politicheskoj osnovy gosudarstvennoj celostnosti Rossii: istorija i sovremennost' (politologicheskij aspekt) [The phenomenon of the Russian state ideology as a spiritual and political foundations of Russian national integrity: Past and Present (political aspect). Dr. polit. sci. diss.]. Diss. Dokt polit. nauk. – Rostov-na-Dony. 2010. 54 p.
2. Pouchenie Vladimira Monomaha [Instruction of Vladimir Monomakh]. – Moscow, 1969, pp. 146–171.
3. Uvarov, S. Doklady ministra narodnogo prosveshhenija S.S. Uvarova imperatoru Nikolaju I (Reports of the Minister of Education Uvarov Emperor Nicholas I) Available at: <http://www.krotov.info/acts/19/1830/1833119.html> (Accessed 1 April 2016).
4. Cirkuljarnoe predlozhenie g. Upravljajushhego Ministerstvom narodnogo prosveshhenija nachal'stvam uchebnyh okrugov o vstuplenii v upravlenie ministerstvom [Circular proposal of Governor of the Ministry of Education school districts rulers to join the Ministry Management]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija, 1834, no 1, pp. XLIX–L.
5. Kochetkov, V.V. Nacional'naja ideja Rossii i konstitucionalizm: opyt filosofii vlasti [The national idea of Russia and Constitutionalism: Experience the power of philosophy]. Filosofija prava, 2010, no 6, pp. 70–75.
6. Homjakov, A.S. Neskol'ko slov o «Filosoficheskom pis'me», naпечатанном в 15 knizhke «Teleskopa» (Pis'mo k g-zhe N.) (A few words about the Philosophical Letters", written 15 book "Telescope" (Letter to Mrs. N.) Available at: <http://www.vehi.net/khomjakov/izpisma.html> (Accessed 23 April 2016).
7. Perepiska dvuh slavjanofilov [Correspondence two slavophiles]. Russian thought, 1916, vol XII, pp. 85–114.
8. Perepiska dvuh slavjanofilov [Correspondence two slavophiles]. Russian thought, 1916, vol IX, pp. 1–32.
9. Aksakov, I.S. Nashe znamja – russkaja narodnost' [Our banner – Russian nationality] Moscow, Institute of Russian civilization, 2008, 640 p.
10. Danilevskij, N.Ja. Rossija i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, Institute of Russian civilization, 2011, 816 p.

11. Emel'janov, S.A. Skol'ko stoit russkaja ideja? Prakticheskie aspekty problemy ideal'nogo i nacional'nogo [How much is the Russian idea? Practical aspects of the ideal and the national]. St. Petersburg, Aleteya, 2012, 143 p.
12. Nikolaevskaja, T.E. «Russkaja ideja» Nikolaja Berdjajeva: k voprosu o haraktere russkoj filosofii i mirovozzrenija [«Russian idea» of Nicholas Berdyaev: the question about the nature of Russian philosophy and outlook]. Nauka i sovremennost', 2010, no 2-3, pp. 203–207.
13. Berdjajev, N.A. Sud'ba Rossii. Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti [The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality]. Moscow, Philosophical Society of the USSR, 1990, 246 p.
14. Berdjajev, N.A. Filosofija neravenstva pis'ma k nedrugam po social'noj filosofii [The philosophy of the letter to the enemies of inequality in social philosophy]. Berlin, Obelisk, 1923, 246 p.
15. Nazmutdinov, B.V. Politiko-pravovye vozzrenija evrazijcev v rossijskom gosudarstvovedenii HH v. [Political and legal views of the Eurasians in the Russian gosudarstvovedenie twentieth century. Phd. legal sci. diss.]. Diss. Phd. jurid. nauk. Moscow, 2012. 31 p.
16. Savickij, P.N. Rossiya i latinstvo (Russia and Latinism) Available at: http://www.vtoraya-literatura.com/publ_43.html (Accessed 1 May 2016).
17. Lavrinova, N.N. Kategorija «mestorazvitie» v koncepcijah russkih myslitelej nachala HH veka [Category «topogenesis» in the concepts of Russian thinkers of the early twentieth century]. Social'no-jekonomicheskie javlenija i process, 2013, no 11(57), pp. 199–202.
18. Gumilev, L.N. Ot Rusi do Rossii [From Rus to Russia]. Moscow, AST, 2002, 392 p.

АРИСТОВА С.М., КОРОЛЕВ П.М. ПРОЦЕССЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ СПЛОЧЕННОСТЬ, И АРХИТЕКТУРА ГЛАВНОЙ ТЕОРИИ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Целью работы является разработка главной теории взаимодействия процессов, таких как проблематизация, схематизация, объективация, позиционирование. Эти процессы являются конструктивами технологии организации и управления процессами мыследеятельности. В качестве фокуса мы выбрали то, что делает группу целостной и сплоченной. Взяв за основу опыт обсуждения этих процессов и их взаимодействия, авторы развивают два варианта теории, вводя в конструктивное поле методы комбинаторики и дискретной математики. Построена метрическая основа главной теории взаимодействия, ведущего к сплочению, выдвинуты гипотезы симметрии процессов, предложены законы взаимодействия. В статье приняты исследовательские ограничения, связанные с эннеадической метрикой, используется метод аналогии с главной теорией современной физики Ф. Вильчека. Приводится приложение в форме игры с представителями ценностных категорий, составляющих корпоративную философию компании Лукойл. Результаты статьи имеют практическое применение при разработке социологии групп, в которых значимым фактором является сплоченность, таких как семья, религиозная община, спортивная команда, корпорация. Архитектура главной теории оригинальна, теория имеет значение для программирования и управления процессами жизнедеятельности.

Ключевые слова: сплоченность; законы взаимодействия; схематизация; проблематизация; мышление; позиционирование; объективация; главная теория.